

У. Рахымбаев

Академия Комитета национальной безопасности Республики Казахстан,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: Ulan-0101@mail.ru

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНОСТИ
С ПОЗИЦИИ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ**

Осмысление религиозности через фундаментальные науки на сегодняшний день не дает полного представления о ее месте и роли в общественном устройстве. Попытки интегрального понимания часто приводят к столкновению интересов и позиций различных дисциплин науки. Содержание статьи нацелено на выяснение причин наличия обязательного условия признака религиозности как отказа или отторжения существующего социального порядка. Кроме того, проводится разграничение в понимании религиозности как субъективной индивидуальной духовности и религиозности, ощущаемой на основе групповой (конфессиональной) принадлежности. Данное разграничение, как покажет статья, имеет принципиальное значение для внесения ясности в вопросах правильного осмысления и адекватного восприятия религии как неотъемлемого смыслообразующего компонента сознания человека. Интригующим и новым, на наш взгляд, будет рассмотрение религиозности не через ее сущностное определение, а с точки зрения того, что сама религиозность и принадлежность к определенной конфессии является самостоятельным и производным элементом совершенно других процессов. Выводы статьи, по мнению авторов, могут стать отправной точкой для совершенно новых подходов по изучению религии, отличающихся контрастностью и отчетливостью в прояснении свойств повседневности.

Ключевые слова: религия, религиозность, конфессиональная принадлежность, социальная среда, фрейм, социальная потребность, стигматизация.

U. Rakhymbayev

Academy of Committee of national security of the Republic of Kazakhstan,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: Ulan-0101@mail.ru

Socio-psychological analysis of religiosity from the position of confessional affiliation

At present, the understanding of religiosity through fundamental sciences does not give a complete picture of its place and role in the social structure. Attempts at integral understanding often lead to a clash of interests and positions of various disciplines of science. The content of the article is aimed at finding out the reasons for the presence of a mandatory condition for the sign of religiosity as a rejection or rejection of the existing social order. In addition, a distinction is made in the understanding of religiosity as a subjective individual spirituality and religiosity felt on the basis of group (confessional) affiliation. This distinction as the article will show is of fundamental importance for making clear the issues of correct understanding and adequate perception of religion as an integral meaning-forming component of human consciousness. It is intriguing and new, in our opinion, to consider religiosity not through its essential definition, but from the point of view of the fact that religiosity itself and belonging to a particular denomination is an independent and derivative element of completely different processes. The article's conclusions, according to the authors, can become a starting point for completely new approaches to the study of religion, characterized by contrast and clarity in clarifying the properties of everyday life.

Key words: religion, religiosity, religious affiliation, social environment, frame, social need, stigmatization.

Ұ. Рахымбаев

Қазақстан Республикасы Ұлттық қауіпсіздік комитеті Академиясы, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: Ulan-0101@mail.ru

Конфессиялық тиістілік тұрғысынан діндарлықты әлеуметтік-психологиялық талдау

Бүгінгі күні діндарлықты іргелі ғылымдар арқылы ұғыну қоғамдық құрылымда оның орны мен рөлі жайлы толық түсінік бере алмайды. Мұны тұтас кешенді түсінуге талпыну әрқаз түрлі ғылым салаларының мүдделері мен ұстанымдарының қақтығысына алып келеді. Мақаланың мазмұны діндарлық белгілерінің міндетті шарттарының болу себептерін бүгінгі бар әлеуметтік тәртіптен бас тарту немесе қабылдау ретінде түсіндіруге бағытталған.

Бұдан бөлек, діндарлықты топтық (конфессиялық) тиістілік негізінде түйсінелетін субъективті жеке дара руханилық пен діндарлық ретінде түсінудегі шектеулер келтіріледі. Мұндай шектеу мақала көрсеткендей, адам санасының ажырамас мағына құрушы бөлшектері ретінде дінді дұрыс ұғыну мен барабар қабылдау мәселелерінде айқындылықты енгізу үшін қатаң қағидаға ие. Біздің қызғылықты және жаңаша көзқарасымызша, діндарлықты оның маңызды анықтамасы арқылы емес, керісінше, діндарлықтың өзі және белгілі бір конфессияға тиістілік дербес емес және мүлдем басқа үдерістердің туынды бөлшектері болып табылатындығы қарастырылады. Мақаланың қорытындылары авторлардың пікірінше, күнделікті өмір жағдайларын түсіндіруде айқындылықпен және ерекшелігімен айрықшаланатын, дінді зерделеу бойынша мүлдем жаңа бағыттар үшін бастапқы қадам болуы мүмкін.

Түйін сөздер: дін, діндарлық, конфессиялық тиістілік, әлеуметтік орта, фрейм, әлеуметтік қажеттілік, стигматизация.

Введение

Оценка места, роли и перспективы религии в современном обществе при ее нынешнем положении вызывает множество противоречий. Глубокие и необратимые изменения, происходящие в религии, свидетельствуют о заметной роли, которую играет религия в настоящее время. Возможность постижения религии через ее сущностные характеристики в отрыве от социально-психологических контекстов жизненных ситуаций, как показал опыт, не дает понять ее основные каноны, предназначенные именно для осмысления сущности бытия. В данной ситуации ясно только одно, что религия связана с духовными и материальными особенностями разных народов и создание феномена религии является результатом труда человека. Поэтому религия проявляется через понятие «религиозность», как особое мироощущение личности, как индивидуальное отражение психики, действий, поступков и мотиваций отдельной личности. Данное утверждение отмечено в определении О. Лобазова, где «религиозность есть частная форма существования религии в жизни отдельного индивида» (Лобазова, 2010:46). В связи с этим целесообразным подходом будет обращение к понятию «религиозность», понимание которого в связи с многоплановостью трактовок термина «религия» является достаточно сложным процессом.

Различные конфессии придают разные оттенки понятию «вероисповедание». От классификации религиозности как просто субъективной индивидуальной духовности до полного отторжения от всего социального, светского. Неоднозначность и сложность интерпретаций данного понятия вызывают конкуренцию среди различных традиций в истинности своих положений. Данная неопределенность может и, к сожалению, приводит к недопониманию и кон-

фликтности в обществе, так как борьба за истинность может способствовать возникновению чувства агрессии к иным толкованиям сущности бытия. К тому же вызывает противоречие простая идентификация себя с определенной традицией, выраженная в следовании установленных конфессией правил и процедур, и религиозности, реализующей себя в поведении и поступках человека в повседневной жизни. По этому поводу протестантский исследователь К. Боа писал: «Мы знаем людей, утверждающих, что они христиане, а ведущих себя как варвары. Целые народы, называющие себя христианами, являются закоренелыми язычниками» (Боа, 1992:308).

Обеспокоенность вызывает еще тот факт, что практически в любом светском государстве существуют гарантии свободы вероисповедания, означающие возможность принятия человеком любой религиозной традиции. Проблема возникает тогда, когда та же самая религиозность становится вне закона и преследуется им, если она нарушает права других людей. При этом происходит нарушение прав по двум аспектам. Первый аспект – это нарушение прав, попадающее под категорию административно-уголовной ответственности, а второй аспект – это нарушение прав, задевающих основополагающие принципы и ценности жизни определённого социума (класса, корпорации, семьи, нации, государства населения), то есть попытка изменения уклада жизни. К элементам уклада жизни относятся, например, тип собственности и хозяйства, характерные принципы взаимоотношений между людьми, моральные устои, табу, эстетические представления, ценности, правовые нормы и т.д. Сложность ситуации заключается в том, что если по первому аспекту есть четкие критерии, по которым данная проблема решается и регулируется, то второй аспект вызывает множество затруднений. Делая небольшой срез нашей статьи, мы можем с уверенностью определить нынеш-

нее состояние и положение религии. Нам становится понятным, почему в рамках конфессий не сложилось единого понимания религиозности.

Материалы исследования

В существующих мировых конфессиях отсутствует единое толкование понятия религиозности, отсутствует интерпретация данного термина, удовлетворяющая всех и в научном мире. Классификация религиозности базируется на множественных критериях, обобщая все существующие на сегодняшний момент параметры, можно выделить основные три направления трактовки религиозности. Направление, разработанное И. Н. Яблоковым, определяет религиозность через сознание, поведение и отношение, принимающее форму социального качества, группы или индивида (Яблоков, 1979:13). Такой же позиции придерживаются П. С. Гуревич, М. П. Мчедлов, Л. Н. Митрохин, Е. Г. Балагушкин, рассматривающие религиозность через призму социальной ситуации, ее изменения и движения. Более психологического взгляда придерживается Е. Г. Балагушкин, берущий за основу религиозности интересы людей, вступающих порой в плоскость противоречия (Балагушкин, 1999:244).

Третья группа исследователей представлена российскими учеными, выражающими свою точку зрения с позиции, близкой для казахстанского общества, с учетом историко-географических общностей наших стран. Так, по результатам исследований Ю. Синелиной, религиозность взаимосвязана с общественным мировоззрением, которая на сегодняшнем этапе имеет тенденцию к постоянному изменению, в результате чего мы можем видеть частое появление новых религиозных организаций (Синелина, 2004:98).

Исследования О. Лобазовой говорят о стремлении народностей к постоянной этнокультурной самоидентификации, с одной стороны, и глобализацией культурной и политической жизни мирового сообщества, с другой стороны. Как итог, именно они становятся условием и результатом современной религиозности (Лобазова, 2010:33). У. Джемс расставлял акценты на разницу в переживаниях, оставляя без внимания особенности самой религии, тем самым, давая понять, что в рамках светской «обыденности» невозможно правильно воспринять религиозность как нечто возвышенное. В данном контексте, по мнению У. Джемса, возникает главный критерий религиозности – это конфессиональная принадле-

жность, то есть самоидентификация личности (Джемс, 1993:187).

Принципиально важным и, возможно, одним из главных способов выхода из кризисного состояния религии в целом является рассмотрение религиозности через призму конфессиональной принадлежности. Здесь усматривается мотивационный аспект религиозности через ее основной компонент как социальная потребность. Сюда входит и сопричастность к чему-то большему, чувство признания, социальные связи, одобрение, статус, групповая принадлежность, внимание к себе, потребность проявления заботы о других и т.д. Данный аспект должен привлечь внимание государственного сектора к эффективности действия в целом социальных институтов по реализации указанных социальных потребностей. Имеется ввиду, что конфессия, приобретая институционализированную системную форму, могла полностью заменить функцию государственных социальных институтов. В таком случае может возникнуть вполне тривиальный вопрос «Кто выстраивает общественное мировоззрение, культуру и уклад жизни в государстве?». В этом плане можно рассмотреть взаимодействие системы государственных органов с конфессиями по вопросам форм реализации данных потребностей, лежащих в основе мотивов, определяющих в целом действия человека. Дальнейшее углубление в проблематику конфессиональной принадлежности приводит нас к рассмотрению теории фреймов, разработанной американским социологом И. Гофманом. Английский термин «фрейм» обозначает широкий круг понятий, участвующих в структурировании реальности человеком, в более общем смысле это «форма». Гофман объясняет перспективу восприятия, которая создает способ прочтения ситуации. То есть фрейм – это процедурное знание – «знание как» или последовательность действий, описывающих либо креативный аспект предмета, либо его функциональный аспект (Гофман, 2004:24).

Будучи ментальным процессом, фрейм тяжело поддается осознанию субъектом. Попытка экспликации и уяснения фрейма часто дезорганизует восприятие. К примеру, ребенок 3 лет активно подражает причесыванию волос. И даже может произвести данное действие по указанию. Но когда тому же ребенку говорят дотронуться рукой до своих волос, он не может выполнить это действие. Другой пример – это когда ребенок может показать нос на лице человека, а отдельно нарисованный нос в отрыве от лица не может

идентифицировать. То есть действия в данных случаях являются несамостоятельными элементами целостных ситуаций: нос является несамостоятельным элементом лица, а прикосновение к волосам – несамостоятельным элементом процесса причёсывания. Соответственно вычленение элемента с целостного процесса разрушает ее правильное восприятие и понимание.

Синонимами фрейма являются понятия сценарий рамка, схема, паттерн, гештальт и дисциплинарная матрица. В психологической науке это формальные схемы, позволяющие за счет правильной организации восприятия и памяти выходить за пределы получаемой информации. Функцией фрейма является преобразование рассыпанной на фрагменты и отрезки эмпирическую реальность в четкую осмысленную ситуацию. На основе фрейма строится социальное взаимодействие, связанное с пониманием. То есть это способ, шаблон или схема для понимания ситуации.

Таким образом, мы обладаем естественной способностью выстраивать из кусков поглощающего нас с головой, яркого, живого опыта определённую реальность с широко различающимися статусами участия в ней. Чтобы наглядно увидеть разницу воздействий фрейма, которая обладает силой изменения восприятия ситуации, мы можем привести пример о поведении пациентов в психиатрической больнице, так как именно там можно обнаружить яркие примеры широко различающихся статусов участия и других элементов фрейма.

Показательно следующее:

1. Пациент, который не разговаривает в повседневном общении и стремится уйти с дороги, чтобы не столкнуться с кем-нибудь из персонала, вдруг на танцах, устраиваемых для пациентов, становится разговорчивым и контактным.

2. Пациент, который заикается в обычной речи, но чисто говорит, принимая на себя какую-либо роль в психодраме (как и сценический актер, обычно заикающийся, может переставать заикаться, когда ему приходится произносить текст с акцентом).

3. Пациент, который манерничает и которому все время что-то мерещится во время обычного разговора, но вполне здраво и с большим успехом исполняет главную роль в театральной самодеятельности.

4. Пациентка, которая обычно замкнута и не отвечает на попытки завязать беседу, но реагирует на письменные и устные обращения на ее родном языке.

5. Пациент, разыгрывающий сцены с участием лиц, которых нет в живых, но так, что слушатели явственно ощущают, что он играет для них (Гофман, 2004:93).

Уместным будет в связи с этим задаться логически вытекающим вопросом «что же происходит?», что может так кардинально менять поведение и мысли человека. Для этого нам необходимо обратить внимание к одному из центральных понятий анализа фреймов – «ключ» (key). Данное понятие представляется как набор правил, с помощью которых любая деятельность может трансформироваться, будучи уже осмысленной в терминах одной системы фреймов в иной, с точки зрения участников, вид деятельности. Этот процесс можно назвать переключением. Основная цель переключения – это радикальное преобразование смысла происходящего. И речь здесь идет не о простой перемене взгляда на вещи, а о преобразовании смысла. В протекающую деятельность или ситуацию можно привести разные схемы интерпретации и тем самым отыскать в них разные «мотивационные релевантности». К примеру, при наблюдении за тем, как человек колит дрова, мы можем сказать, что осуществляются определенные действия, и даже можем описать и дать некоторую оценку данным действиям. Но главный вопрос здесь состоит в том, что эта колка дров для отдыха или по предписанию врача. Здесь принципиальным является смысл действия и соответственно мотивация и статус участника действия. Или определенные опыты по выявлению эффективности работника, где ключевым является то, что здесь может задаваться совершенно различная реальность в зависимости от того, чувствует ли себя испытуемый в ходе опыта в качестве «испытуемого» или держится относительно «естественно» и свободно. То, что в каждом из этих случаев мы имеем дело с состояниями действительно разных типов, которые соответственно приводят к совершенно различным мотивационным основам понимания и восприятия ситуации. Исходя из теоретических представлений о теории фрейма, мы можем подойти к одному из ключевых методологических вопросов о религиозности, в частности, к вопросу нашего исследования – «конфессиональная принадлежность». Почему в рамках исследования мы акцентируем на этом внимание. Данный вопрос на сегодняшний день вызывает много споров. Учитывая, что с одной стороны мы можем говорить о личной религиозности как субъективного, духовного мироощущения личности, существующего в каждом

отдельном индивиду и религиозности, принимающей институализированную форму, где критерием определения религиозности является принадлежность к определённой конфессии.

В таком ракурсе на поверхность всплывают такие проблемы, как влияние конфессий на радикализацию личности, выработка отчуждающего ощущения и настроения на светский образ жизни, неприятие существующего исторически сложившегося уклада жизни региона. Религиозность, за которой стоит определённая конфессия, может трансформироваться в так называемый тотальный институт, где вся организация пространства, образ жизни (распорядок дня), техники обращения, постоянное наблюдение, консультирование и т.д. направлены на подавление личностной идентичности. В этом ключе можно говорить о социальной девиации, в центре которой определение религиозной нормы или патологии зависит от этих институциональных норм социального контроля. Можно говорить о так называемой «стигматизации», когда человек становится заложником объективированных «исполнений», как, например, заложник своего внешнего вида, что социально одобряемые качества, принятые в данном институте, и их отношения к лицу превращают человека в его собственного «тюремщика». Кроме того, принадлежность к определённой группе, принявшей институализированную форму, даёт индивиду чувство защищённости и своего рода санкционированности действий.

Определение адекватности и правомерности существующих конфессий является достаточно сложным процессом. В рамках нашего теоретического анализа необходимо понять, чем привлекают людей определённые конфессии, что в некоторых случаях человек, даже осознав существующую опасность и неадекватность нахождения в данной конфессии, не в состоянии покинуть ее. Что предпринимают в корыстных целях определённые конфессии, чтобы происходящее было воспринято в нужном фрейме. При изучении какого-либо явления, например, «влиянии религиозных организаций на радикализацию личности», мы преимущественно акцентируем внимание на процессуальных, при этом изолированных, оторванных от контекста действиях, а тогда как каждый такой случай необходимо изучать не как изолированный факт, а как факт, происходящий внутри соответствующей целостности события, в его полном психическом окружении. В нашем исследовании было указано, что основным компонентом мотивации является социальная потребность. Обобщая данное утверждение,

мы можем предварительно сказать, что конфессия как группа обладает психологической силой, которая буквально притягивает и не отпускает человека. Здесь мы сталкиваемся с фактом фундаментальной психологической важности, а именно, с наличием прямой связи между текущим состоянием индивида и структурой его психологического окружения. То, что психологическое окружение, даже если объективно оно остается одним и тем же, зависит не только от индивидуального характера, от возрастных особенностей, предпочтений и мировоззрения, но и текущего состояния, в таком случае становится ясным, если мы рассмотрим отношение между окружением и потребностями. Интерес к религии у человека возникает не сам по себе, этот интерес обычно является, так или иначе, «производным». Например, если говорить о случаях, когда ребенок проявляет интерес к цифрам, называть этот интерес «естественным» можно лишь с оговоркой. Он мог развиваться, например, в результате жизни ребенка в городской среде и может основываться на том, что ему интересны различные маршруты трамвая, номера домов, вывески магазинов. То есть всегда он каким-то образом опосредован и произведен от некоторых исходных потребностей. Как говорят специалисты по теории фрейма, причиной течения процесса считается не цепь сцеплений звена за звеном, а именно эта связь внутри целого (контекста) (Левин, 2001:233).

При полном вовлечении субъекта в конфессию, сопровождаемом отталкивающим характером от всего остального, мы имеем дело с конфликтом между человеком и средой. К примеру, если взять признание того, что всякий ребенок – прирожденный моральный преступник, уже в силу одного того, что он рождается на свет с заведомо не приспособленными к данной среде реакциями, становится очевидно, что религиозность, приобретая антисоциальную форму, имеет опытное происхождение и означает недостаток не врожденных реакций и инстинктов, то есть не дефект организма и поведения, а недостаток приспособительных к условиям среды условных связей, дефект, выработанный в среде. И так как в условиях современного общественного строя мы наблюдаем фрагменты того, что социальная среда порою организована самым дисгармоничным образом, следовательно, в силу заключенных в ней противоречий неизбежно должны возникать люди, подпадающие под влияние этих неблагоприятных условий и вырабатывающие в себе антисоциальные формы

поведения, что, в свою очередь, к сожалению, является одной из причин вступления человека в конфессию именно деструктивного толка.

Как мы знаем, в целом, жизнь людей основана на приспособлении природы к своим потребностям. В свою очередь, процесс приспособления носит коллективный характер и всегда нуждается в некоей организации коллективных сил, приводящих к определенной деятельности. В совместной деятельности, основанной на общности целей, возникают определённые, необходимые, уже независимые от воли самого человека, отношения. То есть, можно сказать, что отношения вырабатываются необходимостью. На совокупности этих отношений образуется структура, реальный базис с нормативными надстройками к нему (*юридическими, политическими, экономическими*). И в соответствии с данными надстройками формируется общественное сознание (Выготский. 1991:178). Примеряя историческую и антропологическую интерпретацию в осмыслении религиозности, мы можем предварительно заключить, что мировоззрение, характер воспитания человека всецело определяются общественной средой, в которой он растет и развивается. Те социальные раздражители, которые установились в данной среде ввиду моральных правил, художественных вкусов норм поведения и т.д. и определяют его установку. Отсюда следует, что поведение индивидуума есть производная поведения соответствующей группы.

Результатом данной статьи, по нашему мнению, должен стать методологический сдвиг в вопросе решения проблемы разности толкования и изучения религиозности, принявшей конфессиональную форму. Существующие методологические ошибки в изучении религии, как мы видим, создают в обществе некий дисбаланс, а порой и противоборство взглядов и убеждений в отношении религии, которые, как мы знаем, могут приобрести острую форму.

В статье изложен один из ключевых вопросов поведенческих наук: о связности человеческого поведения, о наличии в нем закономерностей и о возможности на основе этих закономерностей предсказывать поведение. Основной пафос авторов заключается в демонстрации всей сложности этого вопроса и ошибочности распространенных ответов на него.

Авторы убеждены, что трудно, а чаще всего невозможно, говорить о религиозности человека, о ее причинах, тем более предсказать поведение человека на основании знаний о его чертах личности. И эта наша позиция, возможно, бросает

вызов здравому смыслу, привычным убеждениям о том, что причины действий человека надо искать в самом человеке. Мы приглашаем обратиться к результатам знаменитого Беннингтонского исследования, предпринятого Теодором Ньюкомбом в конце 30-х годов (Newcomb, 1943).

Основные открытия, сделанные в ходе данного исследования, могут быть обобщены довольно просто. В период с 1935 по 1939 гг. в Беннингтонский колледж поступали молодые девушки, в основном, принадлежавшие к семьям, относящимся к сегменту выше среднего класса. Все они придерживались республиканских политических взглядов, охарактеризованных консервативностью. Данные взгляды были основаны на предпочтении их родителей. Через пару лет, как было установлено, под влиянием университетской среды, их взгляды и предпочтения изменились, к тому же, в разрез со взглядами членов их семей и американцев, принадлежавших к одному с ними социальному слою. Об этом свидетельствуют результаты выборочного опроса, проведенного в студенческом городке накануне президентских выборов. Если в первом году обучения более 80% студенток поддерживали республиканца Лэндона, а правящего демократического президента Рузвельта поддерживали всего лишь менее 20%, то к третьему курсу данное соотношение сохранялось, только не в пользу республиканцев. Данное процентное распределение иллюстрирует тот факт, что социальная ситуация может порождать фундаментальное смещение основных взглядов и предпочтений большого числа людей, и феноменальным здесь является то, что изменение такого рода не может быть вызвано к жизни политической агитацией, газетными статьями или публичными дебатами. Более того, весьма примечательно, что эти изменения происходят несмотря на противостоящие им семейные аттитюды и ценности, а также на некоторого рода «объективные» факторы, имеющие отношение к личной экономической заинтересованности и классовым интересам, на которые столь сильно акцентируют внимание ученые современной ориентации.

Открытия Ньюкомба позволили ему предложить всеобщему вниманию ряд важных наблюдений относительно социальной среды Беннингтона и проверить несколько конкретных гипотез о природе группового влияния. Из его исследований мы узнаем, что Беннингтон 30 лет являлся сообществом, тесно спаянным внутренне, самодостаточным и изолированным от окружающей социальной среды во многих важ-

ных отношениях. Его профессора были молоды, динамичны, политически либеральны стремились к развитию социального самосознания привилегированных молодых женщин, с которыми они общались как в пределах, так и вне учебных аудиторий, и к их вовлечению в социальную жизнь. Корпоративный дух был достаточно силен, имелись очевидные признаки группового давления в направлении единообразия, в особенности в сторону принятых в Беннингтоне норм либерализма и социальной активности.

Ньюкомб показал, что по сравнению с их консервативными подругами политически активные, либеральные студентки имели больше шансов завести дружеские отношения, а также быть избранными на должности, дававшие право на лидерство и социальное признание. Либералы образовали нечто вроде внутренней группы, чья деятельность вела к изменениям в студенческом коллективе, представлявшем собой в некоторых отношениях вполне сформировавшееся общественное движение. Для многих, возможно, даже для большинства вновь поступающих студенток, «одноклассники» по Беннингтону становились первой по значимости референтной группой, принятия и одобрения со стороны которой они горячо добивались и ценности которой усваивали.

Становится понятным, что социальная ситуация в Беннингтоне (внутригрупповая сплоченность, относительная изолированность от конкурирующих влияний и, конечно, давление в направлении единообразия подкрепляемое обещанием социального принятия и угрозой отвержения) была необходимым фактором радикального изменения предпочтений. Ибо те же самые мировые события и те же аргументы в пользу необходимости установления большей социальной справедливости и проведения экономической реформы относительно мало влияли на их братьев, сестер и других равных по социальному положению сверстников, испытывавших на себе иное социальное давление в другой социальной обстановке.

Иными словами, он отмечает связь между принятием ими либеральных или радикальных убеждений и желанием получить одобрение со стороны окружающих, то есть удовлетворение социальных потребностей. В своем анализе Ньюкомб делает сильный акцент на адаптивной социальной функции процесса изменения студентками своих политических убеждений (Росс, Нисбет, 1999:418).

Новым для специалистов, имеющих дело с социальными процессами, происходящими в об-

ществе – а сюда мы относим и государственный аппарат, и сферу образования и правоохранительную сферу, тот факт, что сформированность взглядов, убеждений и предпочтений индивида (в том числе радикальных и антисоциальных) является результатом воздействия социальной ситуации внутри группы, а не реальность с объективными аргументами и доводами. В данном контексте человеку не важно, какой взгляд и какое убеждение он примет и возьмет за основу своего поведения, для него важным становится социальная среда, где он находится. Соответственно, на первый план должен выступить принцип изучения того или иного поведения человека с точки зрения среды его обитания.

Ошибкой в определении смысла поведения и мыслей человека является его изучение в отрыве от контекста социальной ситуации. За операциональными действиями и поведением, порою затуманивающим взгляд исследователя, лежат такие социальные потребности как: наличие положительных коммуникативных связей, признание компетентности и успехов в выполнении социально значимых ролей (признание как профессионала, родителя, представителя определённого возраста и статуса и т.д.). И насколько эти потребности сталкиваются с принципом реальности, насколько их реализация находится в коллизии с обязательствами и требованиями окружающей действительности, имеющими порой дезорганизующий характер, вследствие чего выдавливающих и вытесняющих эти потребности в состояние голодного потенциального напряжения. Анализ должен начинаться со сравнения, насколько приспособительными функциями владеет социальная среда под названием конфессия в отличии от имеющейся среды, в которой находится человек.

В современных книгах по менеджменту и коммерческим продажам хорошо иллюстрируются моменты в отношении побудительных мотивов, которые питают решения. В них отлично представлены доказательства того, что причиной выбора решения является не рациональный аргумент, а эмоциональное обрамление ситуации. Основной постулат звучит так: если вы сможете понять, что люди действительно покупают, то вы сможете продать им решение их проблем, которое выглядит в вашем представлении как идеальное предложение. Например, хорошая няня продает не уход за ребенком, а ваш свободный вечер, продавец каминов – уют в комнате для семейных посиделок, слесарь – чувство безопасности. То есть вещь продается

не в прямом функциональном значении, а в производном от некоторых других потребностей, а именно социальных. Важнейшим фактором при изучении социальных процессов является учет такой социальной потребности как чувство справедливости. В проводимых экспериментах специалистами фрейм-анализа по рациональности принятия решения показано, что отрицательная эмоциональная ценность несправедливости перевешивает позитивную рациональную ценность даже денег. Если предложенная сумма человеку составляет меньше половины от всех денег, большинство принимающих неизменно отклоняют данное предложение. Выражаясь простым языком, если вы предложите принимающему четверть денег от общей суммы, дальше договариваться не будет смысла, потому что принимающий обидится. Большинство людей делают иррациональный выбор и предпочитают совсем упустить деньги, нежели принять смехотворное предложение. Можно задуматься, над тем, как предлагаемая государством социальная поддержка в виде выплат определенной суммы денег порою воспринимается отрицательно и выглядит оскорбляющей чувство собственного достоинства, потому что выплачиваемая сумма исчисляется человеком от общей выделенной суммы для всех. И когда мы говорим о среде, организованной дисгармоничным образом, мы имеем в виду вышеперечисленный факт.

Заключение

В заключение отмечаем, что психологически важным и решающим при интерпретации и соответственно на этой основе классификации религиозности является изучение *конфигурации сил*, не только действующих внутри психологических систем субъекта, а также в тех социальных системах, частью которых он является. Необходимо знать, как именно осуществляется анализ.

Вместо того, чтобы вычленять из ситуации тот или иной изолированный элемент, оценка значимости которой приводит к ошибочным результатам, необходимо начинать с характеристики ситуации в целом. А уже после такого «анализа в первом приближении» различные аспекты и части ситуации подвергаются все более и более конкретному и детальному анализу. Разумеется, такой метод предполагает, что существуют определенные свойства целого. Некоторые из этих общих свойств (например, величина «пространства свободного передвижения» или «дружелюбная атмосфера») описываются тер-

минами, которые человеку, привыкшему думать в терминах физики, могут показаться весьма ненаучными. Однако если такой человек вспомнит, то фундаментальное значение, которое имеют для физических событий гравитационное и физическое поля или величина давления, он с меньшим удивлением отнесется к тому, что проблемы атмосферы столь же значимы для психологии. На деле психологическую атмосферу можно определить и измерить довольно точно. Любому ребенку чувствителен даже к очень небольшим изменениям социальной атмосферы, таким как изменение степени дружелюбия и безопасности. Многим опытным педагогам известно, что успех в обучении во многом зависит от той атмосферы, которую ему удастся создать на уроке. И то, что до сих пор этим проблемам не уделялось должного внимания, обусловлено не их малой важностью и не какими-либо трудностями эмпирического определения атмосферы, а в основном некоторыми философскими предрассудками, навешанными представителями бихевиоризма.

Во всех приведенных примерах тонкой нитью проходит понятие «атмосфера», реализующее социальные потребности индивида. Каким бы странным не казалось утверждение того, что принятие какого-либо индивидом взгляда, оценки, социальной нормы не является результатом личной убежденности или объективно существующих доводов и фактов, все содержание статьи было нацелено на разрушение такого устоявшегося взгляда. Смещение акцента с индивидуально-личностных характеристик и причинно-следственных связей поведения на основе операциональных действий на познание его среды (в нашем случае конфессии) дает более перспективные надежды в научном и житейском представлении субъекта в религии как неотъемлемой части его мироощущения. Изучая конфессию, нам нужно определить, как выстроены отношения между индивидом и ценностью групповых стандартов, обладают они или нет культурной ценностью для него, какова эффективность групповых процедур по изменению поведения и социальных установок. Используемые аналитические средства должны быть применимы к культурным, экономическим, социологическим и психологическим аспектам групповой жизни. Такой анализ признает равную реальность всех аспектов жизни групп и социальных образований любого размера. Его применение зависит от структурных особенностей процесса и той целостной ситуации, в которой этот процесс протекает.

Литература

- Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии современной России: Морфологический анализ. – М.: ИФРА-М, 1999. – 358 с.
Боа К., Литтл П. Лабиринты веры. – М.: Знание, 1992. – 420 с.
Восс К. Никаких компромиссов. – М.: Наше слово, 2017. – 432 с.
Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика, 1991. – 210 с.
Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт РАН, 2004. – С. 510.
Джемс У. Многообразие религиозного опыта. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993. – 195 с.
Кови С., Линк Г. Разумное доверие. – М.: Попурри, 2013. – 390 с.
Коффка К. Основы психического развития – М.: Академический проект, 2017. – 534 с.
Левин К. Динамическая психология. – М.: Смысл, 2001. – 540 с.
Леонтьев Д.А. Психология смысла. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.
Лобазова О.Ф. Религиозность современного российского общества: дисс... – М.: РГСУ, 2010. – 171 с.
Росс Л., Нисбет Р. Человек и ситуация: Уроки социальной психологии. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 475.
Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России. – М.: Академия, 2004. – 138 с.
Талер Р. Новая поведенческая экономика. – М.: Издательство «Э», 2017. – 229 с.
Яблоков И.Н. Методологические проблемы социологии религии. – М.: МГУ, 1979. – 154 с.

References

- Balagushkin Ye.G. (1999) Netraditsionnyye religii sovremennoy Rossii: Morfologicheskii analiz [Non-traditional religions of modern Russia: Morphological analysis]. M.: IFRA-M, p. 358
Boa K., Littl. P. (1992) Labirinty very [Labyrinths of faith]. M.: Knowledge, p. 420
Voss K. (2017) Nikakikh kompromissov [No compromise]. M.: Our word, p. 432
Vygotskiy L.S. (1991) Pedagogicheskaya psikhologiya [Pedagogical psychology]. M.: Pedagogika, p. 210
Gofman I. (2004) Analiz freymov. Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta [Analysis of frames. Essay on organizing everyday experience]. M.: Institut RAN, p. 510.
Dzhems U. (1993) Mnogoobraziye religioznogo opyta [Diversity of Religious Experience]. SPb.: Andreev and Sons, p. 195
Kovi S., Link G. (2013) Razumnoye doveriye [Reasonable Trust]. M.: Popurri, p. 390
Koffka K. (2017) Osnovy psikhicheskogo razvitiya [Fundamentals of Mental Development]. M.: Academic Project, p. 534
Levin K. (2001) Dinamicheskaya psikhologiya [Dynamic Psychology]. M.: Smysl, p. 540
Leont'yev D.A. (2007) Psikhologiya smysla [The psychology of meaning]. M.: Smysl, p. 511
Lobazova O.F. (2010) Religioznost' sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Religiosity of modern Russian society]. – Moscow: RSCU, p.171
Ross L., Nisbet R. (1999.) Chelovek i situatsiya: Uroki sotsial'noy psikhologii. [Man and Situation: Lessons from Social Psychology]. M.: Aspekt Press, p. 475.
Sinelina Yu. (2004) Sekulyarizatsiya v sotsial'noy istorii Rossii [Secularization in the social history of Russia]. M.: Academy, p. 138
Taler R. (2017) Novaya povedencheskaya ekonomika [New Behavioral Economics]. M.: Publishing house «E», p. 229
Yablokov I.N. (1979) Metodologicheskiye problemy sotsiologii religii [Methodological problems of the sociology of religion]. M.: MGU, p.154